

## ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ СЕРБОХОРВАТСКИХ ГОВОРОВ В КОНТАКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ<sup>1</sup>

В работе подсчитывается и сравнивается фонологическая сложность сербохорватских диалектов. Выделяются говоры с наиболее простыми и наиболее сложными фонологическими системами, а их формирование рассматривается в контактологической перспективе. Делается вывод, что в целом для фонологии сербохорватских говоров характерно упрощение. При этом языковые контакты играют в этих процессах периферийную роль. Так, например, венецианский диалект, вероятно, не оказал влияния на упрощение чакавских говоров Адриатики. Большинство процессов упрощения и усложнения имеют внутрязыковое объяснение.

*Ключевые слова:* южнославянская диалектология, сербохорватский язык, фонология, языковая сложность, языковые контакты.

V. V. Kozak

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. SPb., Russia.  
viacheslav.kozak@gmail.com

### Phonological complexity of Serbo-Croatian dialects in the light of language contacts

In this paper, I calculate and compare the phonological complexity of Serbo-Croatian dialects. It is concluded that, in general, the phonology of Serbo-Croatian dialects is characterized by simplification. Chakavian dialects turn out to be simpler than Kajkavian and Shtokavian, and the Chakavian dialects of the cities of Cres and Trogir demonstrate the least complexity. The Zeta-Lovćen Shtokavian dialects of Montenegro represent the highest complexity. Language contacts play a peripheral role in the processes of simplification and complication. Thus, for example, the Venetian dialect of the Adriatic probably did not affect the simplification of the Chakavian dialects, despite repeated attempts to detect this influence. Borrowings from Turkish contributed to the emergence of the affricates /dz/ and /dʒ/ in the Shtokavian dialects, that is, — to their complication.

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 19-18-00244 «Балканский билингвизм в доминантных и равновесных контактных ситуациях в диатопии, диахронии и диастратии»).

However, most of the processes of simplification and complication have an intralinguistic explanation.

*Keywords:* South Slavic dialectology, Serbo-Croatian language, phonology, language complexity, language contacts.

## Введение

Идея настоящего исследования родилась из того очевидного на первый взгляд наблюдения, что фонологические инвентари отдельных сербохорватских<sup>2</sup> говоров различаются<sup>3</sup>. Так, например, для говора чакавского пункта ОЛА Жминь в Истрии характерна только одна аффриката /ts/ (Šimunović 1981: 229), тогда как для штокавского говора села Башайд в Воеводине — шесть: /ts, dz, tʃ, dʒ, tɛ, dz/ (Ivić 1981: 452). При этом, согласно существующим реконструкциям, в прасербохорватском языковом состоянии аффрикат было две: /ts, tʃ/ (Ivić 1981: 222). Таким образом, в первом случае мы сталкиваемся с упрощением исходной системы, а во втором — с усложнением. Причиной как одного, так и другого может быть самостоятельное развитие идиома, обусловленное внутренними тенденциями и закономерностями, и/или внешнее влияние языкового контакта. Цель настоящего исследования — оценить, какую роль могли сыграть межъязыковые контакты в случаях максимального упрощения и максимального усложнения фонологических систем сербохорватских говоров.

## Методология исследования

Методологически работа следует в русле исследования М. С. Морозовой, А. Ю. Русакова и А. Л. Эшер, посвященного общей сложности южнославянских диалектов (Morozova et al. 2022). Наше исследование в целом выполнено в том же ключе.

---

<sup>2</sup> В работе используется традиционный для русскоязычной славистики и балканистики лингвоним «сербохорватский язык» (Соболев 1998: 114). Хотя этот термин не является общепринятым на настоящий момент, его употребление оправдано, с одной стороны, тем, что языковое пространство боснийских, сербских, хорватских и черногорских говоров рассматривается в исследовании как единый континуум. С другой стороны, этот термин (вернее термин *srpskohrvatski/hrvatsko-srpski*) вынесен в заголовок основного источника работы — справочника по южнославянской фонологии 1981 г. (Ivić 1981).

<sup>3</sup> Имеются в виду фонологические инвентари сербохорватских говоров, как они описаны в (Ivić 1981: 222).

Оно состоит из нескольких этапов. Первый этап — подсчет сложности фонологических систем сербохорватских говоров. Термин «языковая сложность» (равно как и вытекающие из него понятия «упрощение» и «усложнение») употребляется в этой работе в наиболее общем и простом смысле и по сути «сводится к количеству элементов, из которых состоит [фонологическая — В. К.] система» (Бердичевский 2012: 103). Кроме того, при подсчете дополнительные баллы сложности начислялись нами с учетом количественного противопоставления гласных фонем (+1), а также фонологической значимости тона (+1). В качестве материала были взяты фонологические описания 77 сербохорватских говоров из сетки пунктов «Общеславянского лингвистического атласа», опубликованные группой исследователей под редакцией П. Ивича в 1981 г. (Ivić 1981)<sup>4</sup>.

Продемонстрируем подсчет сложности на примере чакавского идиома города Црес (Šojat 1981: 235–236). Фонологическая система говора включает, во-первых, 5 гласных фонем, дополнительно противопоставленных по долготе (5+1), — /i, i:, e, e:, a, a:, o, o:, u, u:/; во-вторых, 19 согласных (табл. 1); в-третьих, два акцента, различающихся только количественно (/V:/, /V/) и, следовательно, не влияющих на сложность (+0).

m	n	ɲ	
p, b	t, d	ç	k, g
f, v		ʃ, z	x
	ʃs		
	r, l	j	

Табл. 1. Согласные фонемы говора Цреса

Таким образом, сложность фонологической системы Цреса равна 25 (5+1+19+0).

Сложность прасербохорватского языкового состояния, на фоне которого рассматривается диалектологический материал, равна 34 и складывается, во-первых, из 7 гласных фонем, противопоставленных количественно (7+1), — /i, i:, e, e:, æ:, æ,

<sup>4</sup> См. также рецензию Л. Э. Калнынь (Kalnyn' 1984).

э:, ə, a, a:, o, o:, u, u:/; во-вторых, из 25 согласных (табл. 2); в-третьих, из системы ударений с фонологизированным тоном (+1) (Stadnik-Holzer 2014).

m	n	ɲ	
p, b	t, d	ç, ʝ	k, g
f, v	s, z, ʃ, ʒ		x
	ʃs, ʃʝ		
	r, r <sup>j</sup> , l, l̥	j	

Табл. 2. Согласные фонемы прасербохорватского языкового состояния

Таким образом, сложность прасербохорватской фонологической системы равна 34 (7+1+25+1).

Второй этап исследования — сопоставление получившихся показателей сложности фонологических систем отдельных сербохорватских идиомов друг с другом, а также со сложностью прасербохорватского языкового состояния. Данные о сложности были нанесены на географическую карту.

На третьем этапе были выделены говоры, характеризующиеся минимальной и максимальной сложностью.

На четвертом этапе были проанализированы процессы упрощения или усложнения, сформировавшие эти говоры в их нынешнем виде; на основании существующих теоретических исследований оценена роль языковых контактов в этих процессах.

## Результаты исследования

Вычислив сложность сербохорватских говоров, мы построили график (рис. 1), на оси x которого представлены сами говоры в порядке их следования в (Ivić 1981)<sup>5</sup>, а ось y отражает фонологическую сложность<sup>6</sup>. Горизонтальная штриховая линия на графике — фонологическая сложность прасербохорватского языкового состояния, равная 34.

<sup>5</sup> В издании первыми приводятся чакавские говоры (1–13), затем кайкавские (14–22) и штокавские (23–77).

<sup>6</sup> Полный список населенных пунктов с их сложностью мы поместили в приложении.

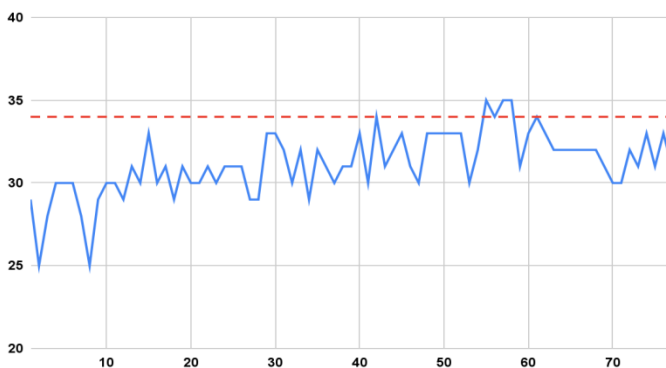


Рис. 1. Сложность фонологических инвентарей сербохорватских говоров на прасербохорватском фоне

Приведенный график позволяет нам сделать первые наблюдения: фонологическая сложность большинства сербохорватских говоров меньше сложности прасербохорватского языкового состояния. При этом на графике явно выделяются два случая максимального упрощения: это чакавские говоры городов Црес и Трогир, фонологическая сложность которых равна 25. Чакавские говоры в целом (пункты 1–13) оказываются проще кайкавских (пункты 14–22) и штокавских (пункты 23–77): 28,8 баллов сложности против соответственно 31,6 и 31,7<sup>7</sup>. При этом средняя сложность кайкавских и штокавских говоров существенно не различается.

Самым сложным, согласно (Ivić 1981: 301), строго говоря, является кайкавский говор села Домагович (№ 15). При первоначальном подсчете его сложность была равна 37. В основе такой оценки лежат, в частности, многочисленные фонологизированные дифтонги, значительно увеличивающие количество слогообразующих единиц говора. Однако в последующей научной литературе эти выводы были существенно пересмотрены, фонологический статус целого ряда единиц оспорен, см., например, (Galić & Lisac 2017). В итоге скорректированная сложность говора Домаговича составила 33.

Таким образом, на графике наибольшее внимание привлекает другая компактная группа говоров, сложность которых равна прасербохорватскому состоянию или превосходит его.

<sup>7</sup> Торлакские говоры в (Ivić 1981) в особую группу не выделяются.

Это говоры зетско-ловченского диалекта, распространенные на территории Черногории. В частности, речь идет о населенных пунктах Радовичи, Режевичи, Горана и Негуши (сложность соответственно 35, 34, 35, 35).

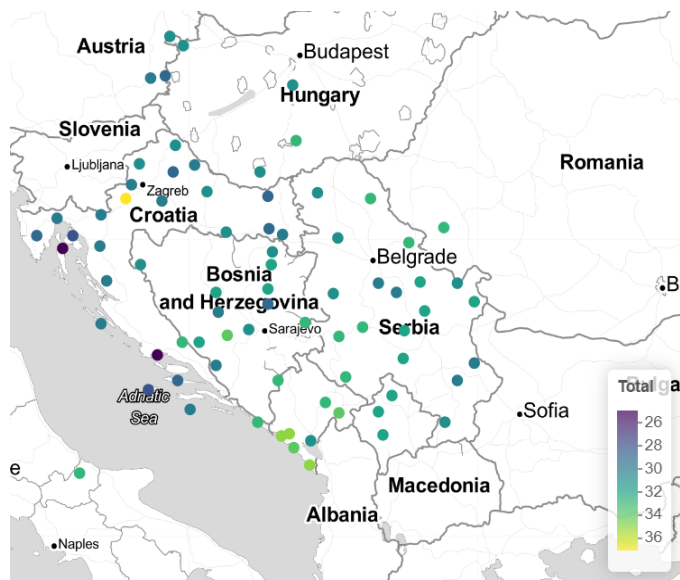


Рис. 2. Сложность фонологических систем сербохорватских говоров на географической карте<sup>8</sup>.

Есть небольшая корреляция между фонологической сложностью и конфессией населенного пункта. Наиболее сложными являются мусульманские пункты (32,7), далее идут православные (32) и католические (30,2)<sup>9</sup>.

### Обсуждение

Попробуем проанализировать фонологическую сложность отмеченных говоров в контактологической перспективе. Для

<sup>8</sup> Сердечно благодарю А. Л. Эшер за помощь в изготовлении карты.

<sup>9</sup> Конфессиональная принадлежность пунктов описана в (OLA 1994). Отметим, что из 77 изученных говоров 38 — католические, 28 — православные, лишь 7 — мусульманские. В 3 случаях конфессиональная принадлежность не указана, в 1 — отмечен смешанный состав населения. Католическими являются все чакавские и кайкавские пункты.

этого есть географические и лингвистические основания. Обе группы говоров находятся в очень многоязычном регионе восточной части Адриатического моря. Для чакавских говоров Цреса и Трогира основным контактным языком является итальянский в тех или иных региональных разновидностях, в первую очередь — колониальный венецианский диалект. Для штокавских говоров Черногории существенным является влияние турецкого языка, а также албанского адстрата и романские (влашского) субстрата.

Для наиболее простых говоров чакавского наречия на уровне фонологии характерны следующие явления:

- 1) утрата прас.-х. гласных фонем \*/æ/ и \*/ǣ/;
- 2) развитие цакавизма (смешения щелевых /s, z/ и /ʃ, ʒ/ и соответствующих аффрикат /ts, dz/ и /tʃ, dʒ/);
- 3) нейтрализация фонем /j/, /j̥/ и /k/ (переходы /j̥/ → /j/ и /k/ → /j/);
- 4) нейтрализация прас.-х. фонем \*/t/ и \*/tʰ/ (переход /tʰ/ → /t/);
- 5) фонологическая нерелевантность тона (Црес);
- 6) утрата фонемы /x/ (Трогир);
- 7) малое число фонологических инноваций.

Перечисленные явления, разумеется, свойственны не только этим конкретным говорам. Так, утрата /æ/, /ǣ/ и /tʰ/ — практически общесербохорватское явление. Цакавизм, а также переходы /j̥/ → /j/ и /k/ → /j/ можно считать характерными для значительной части чакавского наречия в целом (Lisac 2009: 17). Региональный характер имеют также дефонологизация тона и утрата фонемы /x/. Таким образом, упрощение говоров Цреса и Трогира — результат целого ряда более обширных процессов. И сами процессы упрощения составляют лишь один аспект развития чакавских говоров. Другая важнейшая их особенность — отсутствие или небольшое число фонологических инноваций — тоже принадлежит к разряду региональных. На это указывает меньшая сложность чакавских говоров в целом, о чем мы сказали выше.

В славистике XX–XXI веков к последствиям романско-славянских языковых контактов некоторые исследователи относили т. н. адриатизмы (Lukežić 2012: 287). Из перечисленных выше процессов таковыми являются цакавизм и переход /k/ → /j/. Однако на настоящий момент единого мнения о происхождении адриатизмов нет. Так, например, М. Малецки (1929) и М. Храсте (1962) считали источником возникновения цака-

визма венецианский диалект (Šimičić 2021), противниками этой точки зрения были Й. Хамм (1957, 1960) и М. Могуш (1977). Промежуточную позицию занимал Ж. Мулячич (1962). На сегодняшний день преобладает точка зрения, что развитие чакавского цакавизма — внутриязыковой процесс, который в некоторой степени, возможно, мог быть усилен венецианским влиянием (Šimičić 2021: 439). Похожий вывод делается и в отношении перехода /k/ → /j/ (Moguš 1977: 90).

Контактологическая интрига в области фонологии возникает в связи с различиями в фонологическом инвентаре взаимодействующих языков. Эти различия создают для носителей определенные трудности, причем в зависимости от обстоятельств языкового взаимодействия носители преодолевают эти трудности по-разному. Так, Ярон Матрас выделяет четыре возможных сценария такого взаимодействия.

1. Первый сценарий — обычная фонологическая адаптация заимствованных слов при небольшом уровне двуязычия, когда «replicated word-forms are adjusted to match the sound patterns of the recipient language».

2. Второй сценарий — заимствование слов вместе с фонологическими элементами языка-донора. При этом «borrowed and inserted word-forms maintain (fully or partly) the original sound patterns of the donor language». Такая ситуация предполагает уже значительное двуязычие.

3. Третий сценарий подразумевает ситуацию коллективного усвоения  $L^2$ , при котором его фонологическая система переживает конвергентное развитие под влиянием  $L^1$ . В этом случае «word-forms of the target language are systematically adjusted to match the sound patterns of the native language».

4. Четвертый сценарий — «convergence of systems in stable, intensive bilingualism», когда «sound patterns of the native language are adjusted to match those of the second language», причем «second language is 'prestige' language» (Matras 2009: 225).

В первых двух сценариях речь идет о заимствовании отдельных слов с разными стратегиями их адаптации. Эти сценарии не актуальны для чакавских примеров, отражающих изменения фонологической системы на материале заимствованных и исконных слов. Ситуации “3” и “4” подразумевают не отдельные заимствования, а коллективное усвоение языка и значительные языковые последствия. Предположим, что романское влияние на фонологию чакавских говоров действительно имело место. При каком сценарии оно могло реализоваться? Третий



сценарий предполагал бы существование на побережье и островах Адриатического моря значительных романоязычных сообществ, перешедших на чакавское наречие и оказавших таким образом на него серьезное влияние. Этой гипотезе, однако, противоречит распространение чакавских адриатизмов на территориях, на которых бытование венецианского диалекта не зафиксировано<sup>10</sup>. Кроме того, гипотеза не объясняет отсутствие адриатизмов там, где венецианский говор был хорошо известен, к примеру в Задаре. При осуществлении четвертого сценария мы ожидали бы, что носители чакавского наречия так усвоили венецианский диалект, что изменили в соответствии с ним свою собственную фонетику. Но и эта гипотеза не объясняет ни распределения изоглосс цакавизма и делатерализации /ʎ/, ни бытования венецианского колониального диалекта. Учитывая все эти соображения, упрощение чакавских говоров в целом довольно сложно связать с влиянием романско-славянских языковых контактов.

Рассмотрим теперь противоположные примеры максимального усложнения сербохорватских диалектов. Сложность зетско-ловченских говоров формируется из нескольких источников. С одной стороны, важнейший архаизм этих говоров — сохранение отдельной фонемы из прас.-х. \*/ə/. Фонема /ə/ — это задержавшийся старый рефлекс прасл. «редуцированных» /i/ и /u/, не перешедший впоследствии в /a/ (Ivić 1985: 160). Качество этой фонемы в отдельных говорах может различаться. С другой стороны, инновативность рассматриваемых говоров на фоне прасербохорватского языка заключается в наличии полного блока аффрикат /ts, dz, tʃ, dʒ, tɕ, dʒ/ и новых фрикативов /ɕ, ʒ/. Источником новых фрикативов является вторичная йотация сочетаний /sj/ и /zj/, в том числе екавская йотация (Ivić 1985: 161). Происхождение аффрикат в зетско-ловченских говорах различно. Аффрикаты /ts, tʃ/ унаследованы из прасербохорватского языкового состояния. Аффрикаты /tɕ, dʒ/ представляют собой развитие сочетаний \*tj, \*dj. Непосредственно с языковыми контактами может быть связано появление аффрикат /dz/ и /dʒ/. Так, аффриката /dʒ/ первоначально встречается главным образом в заимствованиях из турецкого языка: *hodža* ‘ходжа’, *džigerica* ‘печенка’. Впоследствии эта аффриката распространяется и на исконные лексемы: *srdžba* ‘гнев’, *narudžba* ‘казак’ (Belić 1956: 110; Brozović & Ivić 1988:

<sup>10</sup> Сердечно благодарю за это наблюдение Николу Вулетича.

12). Заимствование аффрикаты /dz/ не является исключительно зетско-ловченской особенностью, оно характерно и для других штокавских говоров (Okuka 2008: 25). В ряде диалектов ее развитие могло быть автохтонным, ср. примеры типа *dzvono* ‘колокол’, *dzvezda* ‘звезда’, *dzora* ‘рассвет’. Однако в черногорских говорах она часто употребляется именно в заимствованиях (Brozović & Ivić 1988: 12).

Если наши наблюдения верны, то, вернувшись к сценариям фонологических заимствований Я. Матраса, мы можем сделать вывод, что в случае зетско-ловченских говоров речь идет о втором сценарии, т. е. о заимствовании слов вместе с фонологическими элементами языка-донора в ситуации значительного двуязычия. А значит, на формирование фонологической сложности штокавских говоров Черногории некоторое влияние оказали языковые контакты.

### Заключение

Подведем итоги исследования.

1. Для фонологических систем сербохорватских говоров на фоне прасербохорватского языкового состояния в целом характерно упрощение.
2. Максимальная или минимальная сложность сербохорватских говоров — результат целого ряда региональных фонологических процессов.
3. Романский (итальянский) адстрат Адриатики, вероятно, не оказал влияния на упрощение чакавских говоров.
4. Турецкий язык повлиял (хотя и незначительно) на усложнение штокавских говоров.
5. При этом большинство процессов упрощения или усложнения имеют внутриязыковое объяснение.

Настоящее исследование выполнено только на материале фонологических описаний. При этом закономерно встает вопрос: совпадут ли эти выводы с результатами аналогичного исследования сербохорватской диалектной грамматики? Поиск ответа на этот вопрос — предмет будущего исследования.

## Приложение

Табл. 3. Фонологическая сложность сербохорватских говоров по (Ivić 1981)

№	Название	Сложность	№	Название	Сложность
1	Žrninj	29	40	Bašaid	33
2	Cres	25	41	Grude	30
3	Dobrinj	28	42	Lug	34
4	Rukavac	30	43	Kreševo	31
5	Brinje	30	44	Milići	32
6	Sali	30	45	Žepa	33
7	Komiža	28	46	Osladić	31
8	Trogir	25	47	Nemenikuće	30
9	Vrbanj	29	48	Uljma	33
10	Lastovo	30	49	Cavtat	33
11	Stinjaki (Stinatz)	30	50	Jasenik	33
12	Čemba (Schandorf)	29	51	Kriva Rijeka	33
13	Pajngrt (Baumgarten)	31	52	Pakovraće	33
14	Močila	30	53	Glibovac	30
15	Dornagović	33	54	Kula	32
16	Domaslovec	30	55	Radovići	35
17	Začretje	31	56	Raževići	34
18	Cubinec	29	57	Gorana	35
19	Pralog	31	58	Njeguši	35
20	Virje	30	59	Golubovci	31
21	Trebarjevo Desno	30	60	Trebaljevo	33
22	Homok (Fertőhomok)	31	61	Andželat	34
23	Tmovac	30	62	Trijebine	33
24	Mala Peratovica	31	63	Tučep	32
25	Lohovo	31	64	Srbovac	32
26	Magića Mala	31	65	Drenča	32
27	Strizivojna	29	66	Velika Kruševica	32
28	Valpovo	29	67	Bukovac	32
29	Kruč (Acquaviva Collecroce)	33	68	Orahovac	32
30	Otok	33	69	Pljaškovica	31
31	Guber	32	70	Donji Dušnik	30
32	Drvetine	30	71	Kalna	30
33	Dobretići	32	72	Jasenica	32
34	Vijaka	29	73	Pogan (Pogány)	31
35	Špionica	32	74	Dušnok (Dusnok)	33
36	Tramošnica	31	75	Lovra (Lórév)	31
37	Gradište	30	76	Klokotič (Clocotici)	33
38	Sivac	31	77	Svinica (Svinița)	31
39	Jazak	31			

## Литература

- Belić, A. 1956: *Osnovi istorije srpskohrvatskog jezika. I. Fonetika*. Beograd: Naučna knjiga.
- Berdichevskij, A. 2012: [Language complexity]. *Voprosy yazykoznanija* 5, 101–124. Бердичевский, А. 2012: Языковая сложность (language complexity). *Вопросы языкознания* 5, 101–124.
- Brozović, D. & Ivić, P. 1988: *Jezik srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod “Miroslav Krleža”.
- Galić, J. & Lisac, J. 2017: Kajkavski govori u okolici Jastrebarskoga: Petrovina i Domagović. *Hrvatski dijalektološki zbornik* 21, 129–145.
- Ivić, P. (Gl. red.) 1981: *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH.
- Ivić, P. 1981: Bašaid. In: Ivić, P. (Gl. red.) *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH, 451–457.
- Ivić, P. 1985: *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod u štokavsko narečje*. Novi Sad: Matica srpska.
- Kalnyn', L. E. 1984: [Review] Fonološki opisi srpskohrvatskih/ hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo: ANU BiH. In: Ivanov, V. V. (Ed.) *Obshheslavyanskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya*. 1981. Moscow: Nauka, 339–346. Калнынь, Л. Э. 1984. [Рецензия] Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981. В сб.: Иванов, В. В. (Ред.) *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 1981. М.: Наука, 339–346.
- Lisac, J. 2009: *Hrvatska dijalektologija 2. Čakavsko narečje*. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga.
- Lukežić, I. 2012: *Zajednička povijest hrvatskih narječja 1. Fonologija*. Zagreb — Rijeka — Čavle: Hrvatska sveučilišna naklada, Filozofski fakultet u Rijeci, Katedra čakavskoga sabora Grobnišćine.
- Matras, Y. 2009: *Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Moguš, M. 1977: *Čakavsko narječje. Fonologija*. Zagreb: Školska knjiga.
- Morozova, M., Escher, A. & Rusakov, A. 2022: Linguistic complexity of South Slavic dialects: a new perspective on old data. *Linguistics Vanguard* [In print].
- Okuka, M. 2008. *Srpski dijalekti*. Zagreb: SKD Prosvjeta.
- OLA 1994: *Obshheslavyanskij lingvisticheskij atlas. Vstupitel'ny'j vy'pusk*. [Common Slavic Linguistic Atlas. Introductory issue.]. Moscow:

- Nauka. ОЛА 1994: *Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск*. М.: Наука.
- Sobolev, A. N. 1998: [Serbo-Croatian language]. In: Desnickaya, A. V., Tolstoj, N. I. (Eds.) *Osnovy balkanskogo yazykoznanija. Yazyki balkanskogo regiona. Čast 2 (slavyanskie yazyki)*. St. Petersburg: Nauka, 114–155.
- Соболев, А. Н. 1998: Сербохорватский язык. В сб.: Десницкая, А. В., Толстой, Н. И. (Ред.) *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Часть 2 (славянские языки)*. СПб.: Наука, 114–155.
- Stadnik-Holzer, E. 2014: 114. Diachrone Phonologie. In: Gutschmidt, K., Berger, T., Kempgen, S. & Kosta, P. (Hrsg.). *Die slavischen Sprachen. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Spracherfassung und ihrer Erforschung. Halbband 2*. Berlin, München, Boston: De Gruyter Mouton, 1525–1564.
- Šimunović, P. 1981: Žminj. In: Ivić, P. (Gl. red.) *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH, 229–234.
- Šojat, A. 1981: Cres. In: Ivić, P. (Gl. red.) *Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*. Sarajevo: ANU BiH, 235–240.
- Šprljan, N. 2020: Fonološke karakteristike čakavskih kopnenih govora zadarske okolice. *Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje* 46 (1), 373–405.